
Я.А. Риер

ЯЗЫЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ ВЛАСТИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ЛИТВЫ (СЕРЕДИНА XIII – СЕРЕДИНА XIV в.)

В статье рассматриваются основные категории ритуалов, использовавшихся языческими правителями Литвы в середине XIII – середине XIV в. (со времени правления Миндовга до смерти Гедимина) с целью легитимизации, сакрализации своей власти, а также в ходе рутинных событий, связанных с осуществлением властных полномочий. Данный период характеризуется преобладанием языческих или, в зависимости от ситуации, дуалистических (появившихся под влиянием христианской культуры) ритуальных традиций в среде литовских правителей. Их изучение может позволить раскрыть особенности процесса институционализации власти языческих правителей в условиях эволюции государства. К наиболее важным ритуалам при этом относятся клятва, жертвоприношение, обмен дарами. Большое значение в указанное время имеют символические действия, осуществляемые правителями во время военных походов, в том числе, с целью предсказания исхода кампании. В отдельную категорию можно выделить ритуалы, связанные с интронизацией и погребением правителя, а также присягой на верность, отражающие уровень признания легитимности и сакральности правителя его подданными. Подчеркивается роль обращения к языческим богам с целью получения их защиты перед важными событиями, а также необходимость выражения благодарности за оказанную помощь. Отмечается, что помимо ритуалов, имеющих ярко выраженный языческий характер, в ходе развития государственности в Литве появляются символические действия правителей, имеющие дуалистический (то есть встречающийся и у язычников, и у христиан) и полностью христианский характер, что было связано с феноменом политического развития будущего ВКЛ, характеризуемого значительной частью христианского населения на присоединенных землях Руси при преимущественно языческом балтском нобилитете и нарастающими контактами литовских правителей с соседними христианскими государствами. Можно также говорить о религиозном синкретизме первых литовских правителей, которые, продолжая поклоняться языческим богам, осваивали нормы христианского вероучения и использовали религию, а также связанную с ней ритуалистику, в политических целях.

Ключевые слова: ритуал, правитель, власть, сакральность, язычество, Литва, клятва, жертвоприношение

Литва начала XIV в. представляла собой оригинальный социо-культурный и политический феномен, в том числе с религиозной точки зрения. Обусловлено это было сложившейся дуалистической конфессиональной ситуацией в обществе, в котором балтский нобилитет, включая правителей, оставался языческим, в то время как значительная часть населения, заселявшая территорию Руси, была христианской. Этот факт наложил сильный отпечаток на проводимую литовскими правителями политику в отношении присоединяемых территорий, а также сказался в ритуалистике их власти.

Рассматривая вопросы, связанные с ритуалами власти, необходимо отметить большое число уже имеющихся исследований на эту тему. Политическим и сакральным ритуалам правителей, как и церемониалу средневековых монархов уделено значительное внимание многих поколений историков и политантропологов. Теоретические аспекты ритуалистики, а также церемониала власти правителей раскрыты в работах А.Я. Гуревича (1970. С. 258; 1972. С. 192, 214, 241), Г. Кланичая (Klaniczay 1990), Т. Эрла (Earle 1997), Э. Сервиса (Service 1998), М.М. Крома (2001), Р. Карнейро (Carneiro 2002. P. 162–175), А.В. Коротаева (2005), К. Белл (Bell 2009. P. 93), М.А. Бойцова (2009. С. 88, 321), М.Е. Бычковой (2009), Х.Дж.М. Классена (Claessen 2010. P. 3–51) и др. В начале 2000-х гг. в России вышли такие тематические коллективные сборники, как «Двор средневекового монарха: явление, модель, среда» (М., 2001), «Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал» (М., 2004), «Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти» (М., 2006) и др. Кроме того, различные аспекты ритуалистики правителей, а также политического церемониала в средневековой Европе и Руси рассматривались в работах А. Дуггана (Duggan 1993), Б.А. Успенского (1998. С. 21), Э. Гудавичуса (Gudavicius 1998), И.Н. Данилевского (2001), О.С. Воскобойникова (2004), Р. Бартлетта (Bartlett 2007), П.П. Толочко (2011), Н.А. Хачатурян (2011), Г. Ярица (Jaritz 2012), Р. Петраускаса (2012), М. Расанена (Rasanen 2016), В. Ковалева (2018), Е. Кирюхиной (2018), Я.Е. Беспальчиковой (2018) и др. Правда, главным образом, эти исследования рассматривают более освещенные источниками средневековые государства Европы. Ритуалистика же власти первых правителей Литвы до сих пор остается за границами специальных исследований. Несмотря на то, что ряд исследователей в своих работах, посвященных истории Литвы, а также генезису Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ), затрагивали определенные аспекты языческих ритуалов его первых правителей, как например, М. Косман, Э. Гудавичус, С.К. Роуэлл и др., отдельного внимания данной проблеме уделено не было. Свяzano это в том числе с малочисленностью сохранив-

шихся аутентичных свидетельств, представляющих непосредственную ценность для изучения ритуалов и церемониала, связанных с получением и осуществлением властных полномочий того или иного правителя, а также с разрозненностью имеющихся сведений (Baronas 2019. P. 36).

Кроме того, следует отметить, что сам термин «ритуал» является понятием достаточно дискуссионным, хотя и наиболее соответствующим проблематике исследования в контексте выбранных хронологических и географических рамок. Именно «ритуал», с точки зрения автора, наиболее точно отражает предмет данного исследования, а именно совокупность действий определенной установленной формы, наделяемых особым значением, обладающих сакральностью, сопровождающих политические или религиозные акты и осуществляемых правителями складывающегося государства или их подданными в отношении своего господина. Хронологические рамки данной статьи (от начала правления Миндовга до смерти Гедимина) обусловлены преобладанием в данное время языческих ритуальных традиций или, в зависимости от ситуации, ритуалов дуалистического характера, заимствованных в христианской среде, позволяющих раскрыть феномен институционализации власти языческих правителей раннего государства в условиях эволюции государственности.

Необходимо подчеркнуть, что политическое развитие Литвы проходило в сложных условиях и имело свою специфику, связанную, в первую очередь, с прочно укоренившимся языческим мировоззрением первых литовских правителей, которые, продолжая поклоняться своим богам, осваивали нормы христианского вероучения и использовали религию, а также связанную с ней ритуалистику, в политических целях. Несмотря на то, что к середине XIV в. большую часть территории формирующегося ВКЛ составляли земли Руси, население которых было христианским, Литва оставалась военным языческим образованием (Rowell 1992. P. 145). Правящее сословие происходило главным образом из этнической литовской знати, преимущественно языческой (Гудавичус 2005. С. 48–50). Во многом обычаи сакрализации власти вождя, перенятые первыми правителями, восходили к традициям протогосударственных образований язычников-литовцев (Kosman 1992. S. 103; Косман 2010. С. 20). Анализ текстов XIII–XIV вв. позволяет утверждать, что в их ментальности носитель верховной власти воспринимался одновременно как сакральная фигура и как верховный жрец. Князь выполнял важнейшие ритуалы, направленные на обеспечение благополучия своих подданных (Риер 2020. С. 177).

Ряд ритуальных действий, совершаемых литовскими правителями указанного времени, был характерен не только для языческой традиции,

но и для христианской, т.е. являлся универсальным. При этом язычество правителей, несомненно, накладывало отпечаток на непосредственное осуществление подобного действия, придавая ему своеобразные черты. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что и Миндовг, осуществляя свой замысел принятия христианства и коронации, и Гедимин, налаживая дипломатические отношения с представителями христианского мира, несомненно, использовали и христианскую ритуалистику. Вместе с тем, для данного периода все еще сохраняются ритуалы власти, характерные только для язычества.

Говоря о структуре ритуалистики власти правителей Литвы указанного времени, необходимо отметить, что наиболее значимыми были ритуалы, которые обеспечивали благополучное функционирование общества, были связаны с успешными военными действиями, а также были направлены на урегулирование дипломатических отношений. В меньшей степени можно говорить о ритуалах, нацеленных на обеспечение личного благополучия правителя. В отдельную категорию необходимо отнести ритуалы, совершаемые не самим правителем, а его подданными в качестве маркеров принятия легальности и сакральности его правления. К данной категории можно отнести ритуалы, связанные с принятием присяги подданными, церемонией возведения правителя на престол, а также его погребением.

Одним из важных ритуалов, имеющим практически универсальное значение в сложном вожестве, которым являлась Литва эпохи Миндовга, или же раннем государстве эпохи Гедимина, являлась клятва. При этом она могла исходить как от лица самого правителя в ходе его обещания выполнять взятые на себя обязательства, в качестве скрепляющей силы заключаемых договоров или обращения к богам за помощью перед лицом важных или опасных событий, так и от лица подданных во время присяги правителю на верность.

Наиболее показательным языческим ритуалом литовцев здесь является клятва богам, являющаяся важным элементом мировоззрения языческого вождя и средневекового правителя Литвы. Так, «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга содержит запись о том, что

Сурмин, вождь, вскоре после этого покинул упомянутый замок, поклявшись силой богов, что впредь ни в каком замке не будет дожидаться штурма братьев (*Surminus autem capitaneus non longe postea dictum Castrum desolatum reliquit, jurans per deorum potenciam, quod nunquam impugnationem fratrum in aliquo castro de cetero exspectaret.* – *Cronica terrae Prussiae* 1861. S. 152; ПД. С. 144).

Таким образом он закрепил принятое им решение. Особое значение клятва принимала при заключении договоров, особенно международ-

ных. Согласно С.К. Роуэллу, дипломатическая процедура в это время состояла из двух ключевых элементов: обмена обещаниями, которые могли быть записаны или озвучены устно обеими сторонами переговоров, а также клятв, призванных закрепить произнесенные слова. Так, при описании переговоров между папскими легатами и послами Гедимины, которые в конце 1324 г. прибыли в Ригу с целью передать волю своего правителя относительно крещения, источники сообщают о том, что

король силой богов своих поклялся, что никогда не примет иного вероисповедания, чем то, которому следовали его предки (*quod ipse rex per deorum potenciam juraverit, quod nunquam aliam legem velle assumere, preter eam, in qua progenitores sui decesserunt.* – *Cronica terrae Prussiae* 1861. S. 192; ПД. С. 184).

Его клятва богам, несомненно, имела символическое значение и должна была усилить значимость переданного им решения.

Закрепление соглашения при помощи клятвы могло сопровождаться ритуальным жертвоприношением (Rowell 1992. P. 147). Оно было непосредственно связано с клятвой богам, а также верой в возможное влияние божественных сил на земные дела, являясь, по сути, одним из ключевых элементов языческого культа. Несомненно, правители Литвы, будучи язычниками, соблюдали традиции своих предков, несмотря на то, что находились в постоянном контакте – культурном и политическом – с представителями христианства. Так, кровавая жертва животного (быка), совершаемая литовцами, упоминается в ранних источниках, символизируя форму присяги или закрепление обещания в особо важных случаях. Наиболее ранние записи о данном ритуале у балтов содержатся в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского под 1201 г.: «Между тем куры, услышав о прибытии епископа и возникновении города, отправили в город послов для заключения мира, но не из страха войны, а по внушению Христа. Получив согласие христиан, они закрепили мир, по языческому обычаю, пролитием крови» (Хроника 1996. С. 204). В особо важных случаях кровь животного размазывалась по лицу дающего клятву (Rowell 1992. P. 149). Очевидно, что эта традиция сохранилась и в более позднее время. В «Ливонской рифмованной хронике» при описании событий 1257 г. говорится, что пожатие руки правителей скрепило клятву, данную во время событий, происходивших в Жемайтии (*Livländische Reimchronik* 1844. S. 53). При этом необходимо отметить, что пожатие руки и обмен дарами как составляющие элементы переговоров или заключения договоров являются ни чем иным, как ритуалами, совершаемыми правителями для закрепления результата их действий. В письменных источниках можно найти свидетельства совершения литовскими правителями различных символических действий во время дипломатических переговоров,

отмечающие не только придаваемое им большое значение со стороны представителей власти, но и подчеркивающие их сакральность. В 1298 г. литовские послы прибыли в Ригу с целью обсуждения защиты города от нападений Немецкого ордена. Приведя нужные доводы, они заключили соглашение, скрепив его при этом древним ритуалом: «...qui etiam gentiles praelibata sensibilibus argumentis ac sacramentis, secundum eorum morem ac pactis inconcusse servandis...» (Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch 1853. Col. 715; Rowell 1992. P. 149).

Вполне очевидно, что с развитием государственности, а также укреплением власти первых правителей Литвы функционирование подобных ритуалов – клятв, жертвоприношений, а также использование крови как сакрального элемента скрепления договоренностей, продолжилось. Так, Миндовг даже после принятия христианства и коронации продолжал поклоняться своим богам и приносить им жертвы. Таким способом он находил поддержку у населения, исповедовавшего разные верования (Kosman 1992. S. 106; Rowell 1994. P. 120; Косман 2010. С. 22). Гедимин в Вильно (предположительно, на месте современного кафедрального собора) построил святилище для поклонения древнему языческому боже-ству Перуну и сохранения божественного огня, а также принесения им жертв (Strykowski 1846. T. I. S. 373). Жертвоприношение как сакральный ритуал в особо важных случаях сохранялось и в середине XIV в.: во время переговоров и заключения мирного договора с венгерским королем в 1351 г. Кейстут поклялся соблюдать соглашение, закрепив его пролитием крови животного, отметив при этом, что такая же участь постигнет того, кто нарушит договор (Rowell 1994. S. 144). Это еще раз подчеркивает не только большое сакральное значение, которое придавали клятве сами правители, но и их веру в неизбежное наказание, которое последует за нарушением подобного обещания.

Важным ритуалом правителей, связанным как с проведением дипломатических переговоров, так и отражающим отношения правителя с подданными и являющимся маркером признания легальности правления вождя и правителя со стороны нобилитета, были пиры, а также происходящий во время их обмен дарами. Сам пир являлся одним из важнейших элементов общественной жизни языческого, а позднее – и христианского общества (пусть и в меньшей степени в виду дополнения его другими ритуальными элементами). На пирах, организованных нобилитетом во время поездок правителя по своим территориям или посещения ими других земель с целью заключения определенного соглашения, не только обсуждались важные дела или проводились жертвоприношения богам. Сама организация пира являлась своеобразным ритуалом, символизирующим признание зависимости от правителя или благосклонность по от-

ношению к нему, а также помогала налаживанию связей между представителями власти и социума (Гуревич 1972. С. 192–194). Сама процедура подобного пира, как и обмен дарами, сопровождался четко выверенным ритуалом, закрепляя таким образом соглашения, достигнутые во время обмена пищей, напитками и информацией, придавая им законность и нерушимость.

Еще одним ритуалом, имеющим языческие корни, а позднее принятым в христианском мире и непосредственно связанным с деятельностью вождя, а позже и правителя, являлось бросание жребия. О языческом характере данного ритуала свидетельствуют источники. Петр из Дусбурга пишет:

<...> когда литвины, гонясь за ними (рыцарями Ордена. – *Я. Р.*), пришли к месту, где братья устроили засаду, то один, бросив жребий по обычаю языческому, воскликнул громким голосом: «Быстро уходим! Здесь засады тевтонов» (*Sed Lethowini sequentes dum venirent ad locum, ubi fratres posuerant insidias, unus missa sorte secundum ritum gentilitalis clamavit alta voce: cito revertamur, insidie Theutonicorum sunt hic.* – *Cronica terrae Prussiae* 1861. S. 152; ПД. С. 181).

Посредством данного действия представитель власти узнавал волю божества в особенно сложных вопросах, часто связанных с выбором направления его собственных действий, а также в ходе военных кампаний с целью предсказать настроение и волю богов (Бога). Знак, полученный во время бросания жребия, обычно не подвергался сомнению, т.к. являлся непосредственно посланным божествами сигналом или предсказанием будущего. Так, отрицательный знак мог повлиять на наступление или отступление во время военных кампаний, а также быть одной из причин заключения договоров либо же наоборот – отказа от намеченных ранее планов:

<...> когда они приблизились, то бросив жребий по обычаю их, узнали, что успех не будет сопутствовать им. Вот почему они тут же начали отступление (*Qui dum appropinquarent, mittentes sortem secundum ritum eorum, compertum fuit, quod eis prospere succedere non deberet. Unde statim iter redeundi sunt aggressi.* – *Cronica terrae Prussiae* 1861. S. 153; ПД. С. 145).

При этом игнорирование знаков, полученных посредством жребия, неминуемо приводило к бедам. Так, во время столкновений с рыцарями ордена в 1290 г. литовский предводитель войска по своим соображениям проигнорировал знамение брошенного одним из воинов жребия, что обернулось в ближайшем времени гибелью практически всего отряда:

Наконец, когда они, вернувшись, были по соседству, первый литвин в войске, бросив жребий, воскликнул: «Горе нам! Плохо пойдет наше

дело!» Вождь прикрикнул на него, чтобы замолчал. Он же не переставал кричать ему это, пока братья со своими людьми не выскочили из засады и не напали на них, убив 350 из них (*Tandem dum revertentes essent in vicino, primus Lethowinus in acie missa sorte clamavit: ve nobis male ibit negocium nostrum. Quem capitaneus increpavit, ut taceret. Ille autem non cessavit id ipsum clamare, quousque fratres cum suis de insidiis erumpentes insilirent in eos, et cœcl ex ipsis occiderent.* – *Cronica terrae Prussiae 1861. S. 152; ПД. С. 145*).

Непосредственно связанным с военными действиями и предыдущим ритуалом, являлось обращение к астрологии, в данном случае – выяснение благоприятных дат для начала войны:

В тот же год и время, когда цари выходят на войну, король Витень с великим множеством литвинов вошел в землю Ливонии, чтобы сражаться с братьями (*Eodem anno et tempore, quo reges solent procedere ad bella, rex Vithenus cum multitudine copiosa Lethowinorum pugnaturus contra fratres, intravit terram Lyvonie.* – *Cronica terrae Prussiae 1861; ПД. С. 155*).

Здесь необходимо также отметить, что обращение к астральным знакам использовалось и христианскими правителями, являясь свидетельством их веры в сигналы, посланные с неба, а также их предсказательную способность и силу отражаться на делах земных. При этом обращение к небесным объектам и астрологии происходило не только перед или во время военных действий, но и перед другими важными событиями, в том числе связанными с вопросами личного благополучия правителя, а также с целью предсказания будущего.

Говоря о ритуалах, совершаемых в ходе военных кампаний, нельзя не упомянуть важнейшее действие, связанное с рефлексией произошедших событий, а именно – благодарность богам за их помощь или благосклонность в бою. При этом обращение к богам могло осуществляться не только самим предводителем войска или правителем, но и рядовыми участниками сражений, в то время как сама форма благодарности могла варьировать от устной до материальной (в форме ритуального жертвоприношения).

В отдельную категорию можно выделить ритуалы, совершаемые иными лицами (подданными) с целью признания легальности или сакральности власти правителя. К ним, в первую очередь, относится процедура возведения на престол, а также обряд погребения. К сожалению, подробных свидетельств о вышеупомянутых процедурах практически не сохранилось в письменных источниках. Вероятно, процесс интронизации литовских князей проходил под влиянием языческих традиций, но со значительными заимствованиями из христианской среды (*Kosman 1992. S. 105*). Об этом свидетельствует описание интронизации Евнутия,

сохранившееся у Матея Стрыйковского. В Вильно молодому князю вручили меч и другие знаки великокняжеской власти, облачили его в соответствующий головной убор и одеяние и закрепили ритуал древним языческим обычаем громкого приветствия (криком) – *według starodawnego zwyczajowi obwołali* (Strykowski 1846. Т. II. S. 2). Такой дуалистический характер интронизационной ритуалистики можно объяснить диспропорцией исторической памяти и политических традиций балтского нобилитета и автохтонного населения присоединенных земель Руси. Последние к указанному времени обладали глубоко укоренившимися традициями возведения христианских правителей на княжеский престол, и не вызывает сомнения перенесение данных элементов исторической памяти на существующие реалии. Вместе с тем, очевидно и сохранение собственных языческих традиций балтским нобилитетом, вплетаемым представителями власти в канву новых политических реалий и социо-культурных особенностей. Не вызывает также сомнения тот факт, что коронация Миндовга полностью находилась под влиянием европейских христианских традиций, что было обусловлено обстоятельствами проведения данной процедуры (Gudavicius 1998. S. 331).

Нет также подробных достоверных свидетельств погребальной процедуры первых правителей Литвы, более того, для большинства из них нет даже указания на точную дату смерти или ее причину. Но обращаясь к более позднему описанию погребения Кейстута, которое происходило по древнему языческому обычаю, можно предположить, что ритуалистика проведения и первых литовских правителей в последний путь могла быть аналогичной, т.к. описание данного действия коррелирует с аналогичными свидетельствами, касающимися смерти других средневековых правителей-язычников. Так, Кейстут был сожжен после своей смерти по древнему ритуалу, характерному для языческих вождей, в парадной мантии, с лошадьми и необходимыми для правителя атрибутами (Rowell 1994. P. 130). С.К. Роуэлл, основываясь на данных более поздних нарративных источников, предположил, что процесс погребения предшественников Кейстута был аналогичным – схожее с упомянутым выше описание погребения Гедимина содержит хроника Матея Стрыйковского (Strykowski 1846. Т. I. S. 385).

Тем не менее, нельзя говорить о том, что первые правители ВКЛ целиком находились под властью языческой ритуалистики. Как справедливо показал в своих исследованиях М. Косман, в этот период для князя и его приближенных был характерен религиозный синкретизм, который во многом был обусловлен не только сложными социо-политическими условиями, в которых происходило формирование нового государства, но и желанием первых правителей укрепить свое влияние на присое-

диненных территориях, жители которых были христианами (Kosman 1992. P. 103). Именно об этом свидетельствует характер описанных выше ритуалов, большинство из которых хотя и имеет языческие корни и содержание, но было позднее заимствовано и активно использовалось представителями христианского мира. О религиозном синкретизме, как и о дуалистическом характере используемых языческими правителями Литвы ритуалов свидетельствует и проводимая ими политика как внутри государства, так и за его пределами. Будучи язычником, в условиях военной угрозы Миндовг заключил союз с немецкими рыцарями, и с целью получения поддержки Ордена и Рима в 1251 г. он принял христианство по западному образцу, а в 1253 г. стал королем Литвы, т.е. прошел обряд коронации (Kosman 2010. С. 20). Корона дала право Миндовгу считаться богоизбранным монархом и таким образом упрочить свою власть, находящуюся после ритуала под защитой высших, божественных и христианских сил. Следовательно, уже на первых этапах складывания государства король Литвы был знаком с христианскими традициями и использовал их для сакрализации своей власти. Данная тенденция сохранялась на протяжении длительного времени, проявившись наиболее отчетливо в XIV в. (Giedroyc 1985. P. 25). Вместе с тем, его приверженность христианству, как было отмечено выше, не оказалась прочной, и Миндовг, получив желаемые политические преференции, продолжал поклоняться и христианскому Богу, и своим древним языческим богам, а значит, находил поддержку как у христианского населения земель Руси, вошедших в состав нового государственного образования, так и у балтского нобилитета (Kosman 2010. С. 22). Гедимин, будучи язычником, знал основы христианского вероучения. Более того, в своей переписке с папой он апеллировал к традиции обожествленного монарха, обладающего сакральной силой, начавшейся со времен Миндовга (Wigand von Marburg 2017. S. 153, 156).

Таким образом, духовные дела правителей Литвы середины XIII – середины XIV в. во многом подчинялись их земным интересам, меняясь в зависимости от потребностей. Несмотря на, казалось бы, острую политическую необходимость принятия христианства, они не спешили с этим шагом, так что государство оставалось языческим и в период правления Витеня, и во времена Гедимины (Chronicon terrae Prussiae 1861. S. 144, 164). А для ритуалистики правителей были характерны сильные языческие традиции. Обычаи легитимизации и сакрализации власти вождя, перенятые первыми правителями Литвы, а также ритуалы, связанные с функционированием их власти, были заимствованы из традиций протогосударственных образований язычников-литовцев, составлявших значительную часть нового нобилитета. Вместе с тем в XIII в. для риту-

алистики первых правителей ВКЛ был характерен религиозный синкретизм, который во многом был обусловлен не только сложными социо-политическими условиями, в которых происходило формирование нового государства, и необходимостью налаживать дипломатические связи с соседними странами, но и желанием первых правителей укрепить свое влияние на присоединенных территориях, где были сильны христианские традиции.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Беспальчикова Я.* Дары в дипломатической практике Теодориха Великого // *Vox medii aevi*. 2018. № 1, Vol. 2. С. 29–45. [*Bespal'chikova Ya.* Dary v diplomaticheskoy praktike Teodorikha Velikogo (Gifts in the Diplomatic Practice of Theodoric the Great) // *Vox medii aevi*. 2018. nr 1, vol. 2. S. 29–45.]
- Воскобойников О.С.* «Мудрость короля рождается на небесах» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 411–454. [*Voskoboynikov O.S.* «Mudrost' korolya rozhdayetsya na nebesakh» (“The Wisdom of the King is Born in Heaven”) // *Korolevskij dvor v politicheskoy culture srednevekovoy Yevropy* / Ed. by N.A. Khachatryan, Moscow, 2004. S. 411–454.]
- Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии // Славянские хроники. Походы, битвы, знать Древней Руси до 1240 года. СПб., 1996. С. 196–321. [*Genrikh Latviyskiy.* Khronika Livonii (Chronicle of Livonia) // *Slavic Chronicles. Campaigns, Battles, Nobility of Ancient Rus' before 1240.* St-Petersburg, 1996. S. 196–321.]
- Гудавичус Э.* «Литва Миндовга» // Проблемы этногенеза и этническая история балтов: сб. ст. / Под ред. Р. Ваулкайте. Вильнюс, 1985. С. 219–227. [*Gudavichus E.* «Litva Mindovga» (“Mindaugas` Lithuania”) // *Problems of Ethnogenesis and Ethnic History of the Balts: Collection of Articles* / Ed. by R. Vaulkaite. Vilnius, 1985. S. 219–227.]
- Гудавичус Э.* История Литвы. Т. 1: История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. [*Gudavichus E.* *Istoriya Litvy (History of Lithuania. Vol. 1: History of Lithuania from Ancient Times to 1569).* Moscow, 2005.]
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. [*Gurevich A.Ya.* *Kategorii srednevekovoy kul'tury (Categories of Medieval Culture).* Moscow, 1972.]
- Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. [*Gurevich A.Ya.* *Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoy Evrope (Problems of the Genesis of Feudalism in Western Europe).* Moscow, 1970.]

- Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). М., 2001. [*Danilevskiy I.N.* Russkiye zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.) (Russian Lands through the Eyes of Contemporaries and Descendants (12th–14th centuries)). Moscow, 2001.]
- Жлутка А.* Каранация Міндоўга і заснаванне першага біскупства ў дакументах XIII ст. // Наша Вера. 2003. № 2 (24). С. 36–44. [*Zhlutka A.* Karanatsyya Mindaugā i zasnnavanne pershaga biskupstva ў dokumentakh XIII st. (Coronation of Mindaugas and Foundation of the First Bishopric in the Documents of the 13th Century) // Our Faith. 2003. nr. 2 (24). S. 36–44.]
- Кирюхина Е.* Средневековые ритуалы власти как источник вдохновения в культуре Англии второй половины XIX – начал XX века // Vox medii aevi. 2018. № 1, Vol. 2. С. 105–134. [*Kiryukhina E.* Srednevekovyye ritualy vlasti kak istochnik vdokhnoveniya v kul'ture Anglii vtoroy poloviny XIX – nachal XX veka (Medieval Rituals of Power as a Source of Inspiration in the Culture of England in the Second Half of the 19th – early 20th Century) // Vox medii aevi. 2018. nr. 1, vol. 2. S. 105–134.]
- Ковалев В.* Игра на престоле: ритуалы власти в Средние века и современная культура // Vox medii aevi. 2018. Т. 2, № 1. С. 14–28. [*Kovalev V.* Igra na prestole: ritualy vlasti v Sredniye veka i sovremennaya kul'tura (Game on the Throne: Rituals of Power in the Middle Ages and Modern Culture) // Vox medii aevi. 2018. Vol. 2, nr. 1. S. 14–28.]
- Коротаев А.В.* О сакрализации власти // Сакрализация власти в истории цивилизаций / Под ред. Д.М. Бондаренко. М., 2005. С. 5–32. [*Korotayev A.V.* O sakralizatsii vlasti (About sacralization of power) // Sacralization of Power in the History of Civilizations / Ed. by D.M. Bondarenko. Moscow, 2005. S. 5–32.]
- Косман М.* 3 гісторыі і культуры ВКЛ. Мінск, 2010. [*Kosman M.* Z gistoryi i kul'tury VKL (From the History and Culture of the Grand Duchy of Lithuania). Minsk, 2010.]
- Кром М.М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России. М., 2001. [*Krom M.M.* Politicheskaya antropologiya: novyye podkhody k izucheniyu fenomena vlasti v istorii Rossii (Political Anthropology: New Approaches to the Study of the Phenomenon of Power in the History of Russia). Moscow, 2001.]
- Петраускас Р.* Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования литовского государства // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11). С. 95–116. [*Petrauskas R.* Pravyashchiy rod i znat': k voprosu o predposylkakh formirovaniya litovskogo gosudarstva (Ruling Family and Nobility: on the Prerequisites for the Formation of the Lithuanian State) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2012. № 1 (11). S. 95–116.]

- Ryier Ya.A.* Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.: основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти. Могилев, 2020. [*Ryier Ya.A.* Pravitel' i obshchestvo na belorusskikh zemlyakh v XIII – pervoy treti XV v.: osnovnyye mekhanizmy politogeneza, legitimizatsii i sakralizatsii vlasti (Ruler and Society in Belorussian Lands in the 13th – the First Third of the 15th Century: Main Mechanisms of State Formation, Legitimization and Sacralization of Power). Mogilev, 2020.]
- Толочко П.П.* Власть в Древней Руси. X–XIII вв. СПб., 2011. [*Tolochko P.P.* Vlast' v Drevney Rusi. X–XIII vv. (Power in Ancient Rus'. 10th –13th Centuries. St-Petersburg, 2011.)]
- Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. [*Uspenskiy B.A.* Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model' i eye russkoye pereosmysleniye) (Tsar and Patriarch: Charisma of Power in Russia (Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation). Moscow, 1998.)]
- Хачатурян Н.А.* «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 66–88. [*Khachaturyan N.A.* «Korol' – imperator v svoeyem korolevstve»... Politicheskiy universalizm i tsentralizovannyye monarkhii („The king is the emperor in his kingdom” ... Political Universalism and Centralized Monarchies) // Empires and Ethno-National States in Western Europe in the Middle Ages and Early Modern times. Moscow, 2011. S. 66–88.]
- Baronas D.* Good Faith and Realpolitik. Approaching the Art of Politics of Lithuanian Rulers in the Fourteenth Century // *Studia historica Brunensia*. 2019. № 2 (66). P. 31–44.
- Bartlett R.* From Paganism to Christianity in Medieval Europe // *Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200* / Ed. by N. Berend. Cambridge, 2007. P. 47–73.
- Bell C.* Ritual: Perspectives and Dimensions. Oxford, 2009.
- Carneiro R.L.* Multiple Trajectories in Political Development: From Leaders to Rulers // *Social Evolution and History*. 2004. Vol. 3. № 1. P. 162–175.
- Chronicon terrae Prussiae* von Peter von Dusburg / Hrsg. M. Toeppen (SRP; 1). Leipzig, 1861. S. 1–219.
- Claessen H.J.M.* On Early States – Structure, Development and Fall // *Social Evolution and History*. 2010. Vol. 9. № 1. P. 3–51.
- Duggan A.J.* Kings and Kingship in Medieval Europe. L., 1993.
- Earle T.* How Chiefs Come to Power. The Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997.

- Giedroyc M.* The Arrival of Christianity in Lithuania. Early Contacts (13th Century) // Oxford Slavonic Papers. 1985. T. 18. P. 1–30.
- Gudavicius E.* Mindaugas. Vilnius, 1998.
- Jaritz G.* Rituals, Images and Daily Life: the Medieval Perspective. Berlin, 2012.
- Klaniczay G.* The Uses of Supernatural Power: the Transformation of Popular Religion in Medieval and Early-Modern Europe. Princeton, 1990.
- Kosman M.* Od chrztu do chrystianizacji. Warszawa, 1992.
- Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Ed. F.G. von Bunge. B. 1: 1093–1300. Reval, 1853.
- Livländische Reimchronik / Hrsg. F. Pfeiffer. Stuttgart, 1844.
- Rasanen M.* Relicts, Identity and Memory in Medieval Europe. Brepols, 2016.
- Rowell S.C.* A Pagan's Word. Lithuanian Diplomatic Procedure 1200–1385 // Journal of Medieval History. 1992. Vol. 18. P. 145–160.
- Rowell S.C.* Lithuania Ascending: a Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.
- Strykowski Maciej Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i Wszystkiej Rusi / Red. M. Malinowskiego. T. I, II. Warszawa, 1846.
- Wigand von Marburg.* Nowa kronika pruska / Oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. Toruń, 2017.

Yanina Ryier

PAGAN RITUALS OF POWER OF THE FIRST RULERS OF LITHUANIA (MIDDLE OF THE 13th – MIDDLE OF THE 14th CENTURY)

The article deals with the main categories of rituals used by pagan rulers of Lithuania in the middle of the 13th – the middle of the 14th century (from the reign of Mindaugas to the death of Gedimin) in order to legitimize, sacralize their power, as well as during the routine events related to the exercise of their authority. This chronological period is characterized by predominance of pagan or, depending on circumstances, dualistic (emerged under the influence of Christian culture) ritual traditions among Lithuanian rulers. While studying that issue one can point out particular features of institutionalization of power of pagan rulers in the context of state development. The most important rituals included oath, sacrifice, and exchange of gifts. Symbolic actions carried out by the rulers during the military campaigns were of great importance at that time. A separate category is formed by rituals associated with the enthronement and burial of a ruler, as well as the oath of allegiance, reflecting the level of recognition of the ruler's legitimacy and sacrality by his subjects. The role of the appeal to pagan gods in order to obtain their protection as well as a strong need to express gratitude for their help is analyzed. It is pointed out that in the process of

state formation in Lithuania in addition to the rituals of the pagan origin, symbolic actions of rulers having dualistic (that can be found among both pagans and Christians) or completely Christian character appear. It can be explained by the phenomenon of the political development of the future Grand Duchy of Lithuania, characterized by a significant part of the Christian population in the annexed lands of Rus` with a predominantly pagan Baltic nobility as well as growing contacts of Lithuanian rulers with neighboring Christian states. Continuation of worship of pagan idols while learning the norms of Christian doctrine and its rituals as well as using the religion for political purpose is considered to be the main sign of religious syncretism of the first Lithuanian rulers.

Key words: ritual, ruler, power, sacrality, paganism, Lithuania, oath, sacrifice

DOI: 10.32608/1560-1382-2022-43-187-201